

Уроки музыки

Очерк

Август. Тёплый конец лета.

Теперь я не уверена, что это случилось в августе, как и то, что погода выдалась тёплая. Но таким сохранила этот день детская память.

Мы с мамой идём на вступительные экзамены в музыкальную школу. «Вступительные экзамены» – незнакомые слова. От них зависит, буду ли я учиться музыке. В обычную школу, где я уже второклассница, меня принимали безо всяких испытаний.

Белое здание с колоннами. Высокое крыльцо. Длинный коридор. Тихо. Звуки появятся потом, когда начнутся занятия. Мама уверенно ведёт меня, неожиданно оробевшую, к двери, из-за которой слышится весёлый смех.

За дверью – комната, залитая солнцем. Страх тает, как кусочек сахара в стакане горячего чая. Зашла ли мама вместе со мной или нет – уже не важно, и не сохранилось в памяти.

За большим столом – две женщины. Моё внимание приковано к одной. Много лет прошло с того дня. Что правда, а что нарисовано детской фантазией – трудно сказать. Как сейчас вижу сидящую слева юную девушку в школьном форменном платье с белым воротничком и в чёрном фартуке. Солнце запуталось в белокурых локонах, рассыпавшихся по плечам. Девушка радостно улыбается, будто я – подарок, обещанный ей сегодня.

Вторая женщина садится за пианино, нажимает на клавиши и предлагает мне голосом повторить звуки. Потом наигрывает мелодию. Её тоже следует пропеть. Улыбчивая «школьница» (как я назвала её мысленно) стучит карандашом по столешнице и просит меня похлопать в ладоши в том же ритме. Я очень стараюсь!

– Возьму её себе, – говорит «школьница».

– Посмотри: у неё рука маленькая, – возражает старшая.

– Ничего, справимся.

На этом экзамен закончился.

Через несколько дней огромный грузовик привёз к нашему подъезду большой тяжёлый ящик.

Папа и чужие мужики, почему-то громко ругаясь, втащили его на второй этаж. В квартире ящик разобрали на дощечки. Под ними оказалось новенькое, блестящее чёрным лаком...

– Пианино! – я радостно запрыгала, мешая взрослым.

– Фортепьяно! – гордо поправила мама.

Ещё купили большую коричневую папку с чёрными ручками из шёлкового шнура и нотные тетради. Но больше всего мне понравился вращающийся табурет: ни у кого из подружек такого не было!

В сентябре я стала ходить, кроме обычной, ещё и в музыкальную школу. В привычном расписании общеобразовательной школы чередовались уроки письма, арифметики, чтения... В музыкальной – хор, музыкальная литература, сольфеджио и специальность.

Моей учительницей по специальности, как и обещала, стала «школьница», правда, теперь я называла её Надеждой Павловной. С первого дня и до окончания школы я пребывала в глубокой убеждённости, что мне досталась самая молодая, красивая и самая добрая преподавательница. Её не раздражали мои руки с короткими пальчиками. Она умела показать, как сделать их гибкими и подвижными, удобней охватить октаву.

К сожалению, музыкальная наука состояла не из одних приятностей. Случались огорчения: время, которое мои друзья-одноклассники проводили зимой на катке, а летом во дворе, играя в «вышибалы» или «кóндалы», я тратила на упражнения за инструментом.

– Два часа каждый день! – выговаривала мне мама, видя в дневнике тройку вместо ожидаемой пятёрки или хотя бы четвёрки.

Однажды (мне было десять лет) в приступе ненависти к лакированному, непокорному детским стараниям гиганту я попыталась расчленить его лобзиком для художественного выпиливания. С тех пор на пианино остался шрам-зарубка – напоминание о том, что иногда лучше делать то, что должно, а не бороться с обстоятельствами.

Спусти всего два года я спасла то же самое пианино от квартирного потопа. Посреди рабочего дня, когда взрослые находились на работе, с потолка нашей двухкомнатной хрущёвки сначала закапала, потом ручейками и потоками полилась вода. Сотовых тогда ещё не существовало. Домашних телефонов ни в нашей семье, ни у моих многочисленных дворовых друзей не водилось. Рассчитывать следовало только на свои детские силы.

Вечером вернувшиеся домой родители обнаружили открытую настежь дверь и квартиру, полную чрезвычайно активных малознакомых ребятшек. Те шлёпали босиком по залитому водой полу с тряпками в руках.

Мебель в большой комнате пряталась под разноцветными клеёнками, их притащили с собой добровольные помощники. На пианино, выдвинутом на середину, кроме клеёчатых покрывал громоздились многочисленные тазы, ведра и даже тарелки. Я, уверенная в правильности своих действий, с воодушевлением командовала босоногой разновозрастной бригадой.

Не думаю, что обладала какими-то исключительными способностями. Не мечтала продолжить музыкальное образование, но однажды услышала разговор, наполнивший меня благодарностью к учительнице и в очередной раз подстегнувший усердие. Я как раз разучивала «Элегию» Массне, когда во время урока к Надежде Павловне по какой-то надобности зашла другая преподавательница.

– Зачем ты дала ей «Элегию»? – спросила она. – Я не помню, чтобы хоть кто-то из учеников сыграл её как надо.

– Ничего, справится! – возразила моя учительница.

Уроки сольфеджио вела Светлана Алексеевна. Красивая, крупная, с тонкой талией, она влетала в класс в ореоле духов, локонов, голубых переливов пышных складок юбки. Садилась за инструмент и с силой опускала на клавиши крупные кисти с длинными пальцами, кончики которых мягко изгибались. Такие руки можно увидеть на старинных полотнах итальянских художников, изображающих светских красавиц.

На сольфеджио занимались все вместе: и баянисты, и пианисты. Больше всего боялись диктантов.

Светлана Алексеевна садилась к пианино боком, закинув ногу на ногу, левой рукой с нотной тетрадью закрывала клавиатуру, правой – играла мелодию. Мы должны были записать её в нотных тетрадях. Очень похоже на обычный диктант по русскому языку, только вместо букв – ноты.

Сказание о Кедровом Царе

– Бабушка! Расскажи сказку!

Восьмилетняя девочка уютно устроилась на диване рядом с бабушкой: прижалась к мягкому её боку и приготовилась слушать.

– Я расскажу тебе сегодня историю про Кедрового Царя. Её передают в нашем роду от матери к дочери, от бабушки к внучке...

Со мной за партиой сидел Лёня – одноклассник по обычной школе. Здесь он учился игре на аккордеоне. Лёничик больше списывал у меня, чем старался сам. В результате мне поручили взять над ним шефство и научить писать музыкальные диктанты.

В десять лет не очень понимаешь важность и ответственность такого задания. Тренировки по узнаванию нот и музыкальных интервалов казались скучными. Часто мы придумывали более интересные занятия.

Однажды я смастерила парашют из ватмана и ниток. Подшефного заставила испытывать хлипкий летательный аппарат, прыгая со стола. Лёничик прыгал – парашют не раскрывался. Тогда в ход пошёл большой чёрный зонт. Результат снова разочаровал испытателей: слишком короткий полёт. Придя к выводу, что высота для эксперимента недостаточная, мы всё-таки воздержались от прыжков с балкона. Ума хватило!

Детство давно осталось позади, как и музыкальная школа. Среди моих друзей нет музыкантов и певцов. Но ведь и в медицину из тридцати человек нашего десятого общеобразовательного подались только двое.

Будучи врачом, я знаю, что центры звукового и цветового восприятия находятся в центральной нервной системе рядом. Не случайно многие композиторы видят мелодии в цвете, а художники слышат музыку своих полотен. И кто знает, рисовала бы я портреты друзей в последнем классе школы и писала бы сочинения по литературе в стихах или нет... если бы эти росточки творчества не получили свою порцию «музыкальных витаминов».

Не всегда мы можем оценить богатство полученных уроков сразу. Истина часто открывается позже. Как раздражали меня в детстве бесконечные повторения одной музыкальной фразы в произведениях И.С. Баха! Очарование их многогранности я поняла в юности. Безграничную философскую глубину этих же музыкальных тем постигла, став взрослой. Удивительно, как одни и те же произведения в разные периоды могут быть восприняты совершенно по-особенному: радостно или печально, трагично или с юмором.

Родители приводят ребёнка в детскую школу искусств... Получится ли из него музыкант, художник? Кто знает... Но совершенно точно можно утверждать: чем больше прекрасного встретится в детстве, тем богаче и тоньше будет восприятие мира потом.

Давно это было. Двенадцать поколений сменилось с тех пор, как в дремучей тайге человек появился. Не по своей воле пришлось ему тут обосноваться. Глухое место народ не привлекало. Болота да ручьи сделали непроходимыми тропы. Не всякая птица решалась в дебрях гнездиться. Только дикий зверь в лесу хозяином себя чувствовал. Так бы и

стояла тайга нехоженой. Да прознал один образованный человек про несметные богатства, глубоко в земле скрытые.

У этого учёного было два брата. Им он и рассказал о золоте и серебре, о платине и цинке, об уране и селене, о железной и бокситовой рудах, что хранились тайгой многие века. Братья отличались предприимчивостью, любили отчизну и желали ей всяческого процветания. Да и род свой считали не лишним прославить, а заодно и себе копеечку заработать.

Решили братья в тайге завод построить, чтобы из руды чугуна да железо плавить. Руководить хозяйством пригласили по найму десятка два грамотных инженеров. А чтобы обеспечить производство рабочими руками, надумали они народ силком в тайгу привезти.

Девятьсот с лишним мужиков прибыло с разных уголков страны. Большинство ехали с семьями, но женщин и детей никто не считал. Среди переселенцев был молодой кузнец Степан с женой Устиньей и маленькой дочкой Василинкой.

Тяжко им пришлось в пути. Почти полторы тысячи вёрст за месяц преодолели. Много раз сплавлялись по рекам. Казачьи лодки, дощаники да каюки, плохо защищали от непогоды. Парусами управляли матросы, а на вёсла садились мужики покрепче – из пассажиров. По суше передвигались на подводах. Тогда обоз растягивался так, что приходилось часто и надолго останавливаться в пути, чтобы не растерять всех путешествующих поневоле. Провиант отличался скудностью. Подчас состоял только из воды да сухарей.

Не все добрались до места. Болезни косили народ. Кто-то получил травму в пути, кто-то в темноте да в грозу упал за борт, кто-то ухитрился сбежать и податься в разбойники.

Вот и Устинька не выдержала тягот путешествия: заболела лёгкими и сгорела за несколько дней. Похоронил Степан жену наспех, у дороги. Остался с пятилетней дочерью на руках.

На место прибыли к осени. Дома-то на равнине жили. Светло. Просторно. Реки широкие спокойные. Леса радостные – берёзы да осины. Сосны и ели, конечно, тоже водились, но общей прозрачности не нарушали. А тут край незнакомый, суровый: горы вокруг, реки быстрые опасные, чащи дремучие, звери дикие непуганые. Ни тебе полей, ни огородов...

Первый раз кедр увидели – шапки с голов попадали: такая высота! Ствол – не обхватишь! Хвоя – в ладонь длиной! Недаром проводник назвал его Царь-деревом.

На носу – зима. Начали землянки строить, чтоб где укрыться было, потом запруду на реке делать, завод подымать. Трудно жилось на чужбине, голодно да холодно, особенно бабам да деткам малым. Правда, братья-хозяева старались чем-нибудь облегчить существование переселенцев. Рядом с посёлком возвели коровник для десятка рогатых коров, тёплый курятник поставили.

Степан никак не мог смириться с тяжёлой долей. Кузница его заработала почти с первых дней по-

прибытии, но душа болела за Василинку. Дочку он с собой в кузницу брал, да разве легко за ребёнком уследить, когда работой занят. Вот и получалось, что она то в ручей упадёт, то сучком ножку зашибёт. Шустрая росла, любопытная. Задумал кузнец сбежать и на родину податься, пока суда по рекам ходили. Дома у него старшая сестра осталась, она бы ему помогла с дочкой. Хоть и своих деток у ней трое было, а племянка не стала бы обузой.

Как решил Степан, так и сделал. Однажды до восхода солнца забросил за спину тощую котомку, взял на руки спящую Василинку и пошagal в тайгу. Дня три казалось, что провидение на стороне беглецов, а на четвёртый случилось несчастье. Наткнулись они на медведя. Спасаясь от косолапого бегством, Степан споткнулся о мощные корни вековых деревьев и повредил ногу. Подсадил тогда он дочку на толстую ветку большого кедра, сам достал нож и приготовился встретить зверя. Надеяться на чью-либо помощь не приходилось, только и осталось, что уповать на Бога да на везенье.

Девочка обняла ствол ручонками, припала к шершавой коре щекой и стала тихонько, но очень искренне просить-причитать:

– Добрый Царь, Кедровый Царь! Помоги моему батюшке! У меня никого нет, кроме него! Спаси его! – молила она и горько плакала.

Рёв зверя слышался всё ближе. От страха и переживаний Василинка сомлела. В глазах её потемнело, пальчики скользнули по стволу. Она ещё успела почувствовать, как её подхватили чьи-то крепкие руки, и провалилась в темноту.

Проснулась оттого, что кто-то заботливо укрывал её мягким мхом. Оказалось, что лежит она у подножия могучего дерева на пушистом лапнике. Рядом отец. К повреждённой ноге его примотан кусок красно-бурой коры. А лицо весёлое. Обернувшись на шорох, Василинка увидела высокого широкоплечего мужика в длинной белой рубахе, совсем ещё не старого, но с окладистой бородой. Суровое и одновременно приветливое лицо успокоило девочку.

– Вы кто?

– А кого ты просила о помощи? – лукаво улыбнувшись в бороду, низким голосом ответил незнакомец.

– Батюшку Кедрового Царя.

– Вот он я и есть.

– Я знала, что ты добрый!

– С хорошими людьми почему и не быть добрым.

– Батюшка Кедровый Царь, а что теперь с нами будет?

– Денёк-другой придётся у меня погостить, пока нога у отца подживёт. Живица – кедровая смола, коей кора пропитана, – быстро ему поможет. На-ко вот, попей волшебного чайку, настоящего на моей хвое, он силы придаст и от всякой хвори защитит. Да погрызи моих орешков, большая в них польза: и голод утолится, и волос долгим вырастет, а румянец на щеках маковыми лепестками расцветёт.

– А потом?

– А потом придётся в посёлок вернуться. Знаю, что хотели покинуть наши края, да видно судьба по-другому распорядилась. Скоро снег ляжет. Вам

зимой в тайге не выжить. Дорогу обратно мои помощники покажут.

Только тут Василинка, которая до этого таращила глаза на Кедрового Царя, заметила, что поодаль лежит большой бурый медведь. Видимо, это его они потревожили. На ветке соседнего дерева растянулась, жмурясь на солнце, большая кошка с кисточками на ушах.

– Это моя Мура – рысь, – пояснил Царь, проследив за взглядом девочки.

– А это кто? – спросила Василинка, показав на мелькнувшего среди игольчатых лап странного зверька с пушистым хвостиком и перепонками-крыльями между лапок.

– Это белочки-летяги. Они вас и выведут на дорогу, когда Степан на ноги встанет.

– Батюшка-царь! Ты столько умеешь, все тебя слушаются. Ты волшебник? – спросила девочка, которая давно покинула хвойную постель и с любопытством осматривалась вокруг.

– Есть немного, – подтвердил Царь-Кедр.

– А научи меня своему волшебству.

– Давно у меня учеников не было, – задумался тот. – Может быть, это тебя я много лет ждал, чтобы знаниями поделиться? Значит, так тому и быть.

Три дня в тайге у Кедрового Царя пролетели незаметно. Хозяин показывал девочке разные травы и коренья, рассказывал, как и когда их нужно собирать, учил пользоваться дарами леса. Когда Василинка уставала от занятий, она играла с лесным зверьём. Особенно подружилась с рысью Мурой, лисичкой Лисонькой и бельчонком-летягой Рыжиком. Степан, глядя на дочь, радовался её весёлости. Его грусть тоже прошла, в душе родилась уверенность, что всё у них сложится хорошо.

Когда пришла пора прощаться, Василинка обняла Царя и обещала не забывать его науку. Могучий Кедр дал отцу с дочерью наказ: любить и беречь родной край. Пользоваться его дарами, но и заботиться о приумножении природной благодати.

– Коли будете относиться к тайге, речке, как к своему дому, любому цветку и малой былинке сочув-

ствие иметь, земля вам сторицей отплатит, и родится тогда великое волшебство: каждый живущий здесь – и человек, и зверь, и птица – счастливы будут.

Вернулся Степан с дочерью в рабочий посёлок. Стали жить. Через два года, когда завод заработал в полную силу, вместо землянок для рабочих избы поставили. Кузнецу к тому времени приглянулась ласковая девушка из соседских. Привёл Настеньку в свой дом. Стала она матерью Василинке. Потом и ещё детки народились. Дружная получилась семья.

Соседи отмечали, какой смышлёной росла дочка у кузнеца. Тайги не боялась. Всё знала про целебные свойства здешних растений. Люди стали приходить к ней за помощью. К семнадцати годам стала она известной травницей и редкой красавицей к тому же. Коса цвета спелого колоса, глаза бездонные, как небесная синь, добротой светятся из-под тёмных дуг бровей. Вскоре и жених для неё нашёлся – молодой рабочий Николай. Опять началась жизнь сначала. Много ребятишек было у Василины и Николая. Всех она учила своему мастерству, которое росло год от года. А Степан и Николай рассказывали детям и внукам, как в тайгу ходить, чтобы ей урон не нанести, но и себе с пользой остаться.

Стали замечать люди, что будто бы в этом посёлке теплее и счастливее живётся, чем в округе. Иногда и чудеса разные стали случаться. То ураган пройдёт стороной, то засуха посевы не тронет. И всё это будто после того, как Василина в тайгу ходит. Сначала одна ходила, потом с дочерью, внуками. Поговаривали, что она Кедрового Царя навещала. Василине соседи дали прозвище Ведунья.

Так начиналась история нашего городка и нашей семьи. А кедровая тайга до сих пор свои тайны хранит...

Голос бабушки давно умолк. За окном темнело. Необычный день подходил к концу. Девочка сидела, боясь спугнуть тёплое и волшебное чувство причастности к чему-то большому и светлому. Наконец она решила нарушить тишину.

– Бабушка! А Василинка – это...

– Это твоя прабабушка в двенадцатом поколении. Вот так!